

СВЕТЛАНА МЕНГЕЛЬ

**Неизвестный вариант русского литературного
языка доомоносовского периода**

estratto da:

Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"
Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale

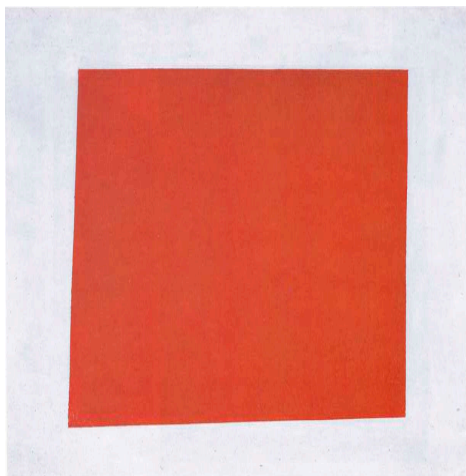
forma formans

Studi in onore di **Boris Uspenskij**

a cura di

SERGIO BERTOLISSI e ROBERTA SALVATORE

II

M. D'AURIA EDITORE

Università degli Studi di Napoli "L'Orientale"
Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale

forma formans

Studi in onore di Boris Uspenskij

a cura di

SERGIO BERTOLISSI e ROBERTA SALVATORE

II

M. D'AURIA EDITORE

Volume pubblicato con il contributo del Dipartimento di Studi dell'Europa Orientale e del Fondo di ricerca di Ateneo 2009 dell'Università degli Studi di Napoli "L'Orientale".

ISBN: 978-88-7092-303-2

© 2010 M. D'AURIA EDITORE
Calata Trinità Maggiore 52-53
80134 Napoli
tel 081.5518963 fax 081.19577695
www.dauria.it
info@dauria.it

СВЕТЛАНА МЕНГЕЛЬ

Неизвестный вариант русского литературного языка доломоновского периода

Современный русский литературный язык – т.е. язык-стандарт в лингвистическом понимании этого термина (*standard language*) – имеет в своей основе, как принято считать, систему кодификации, предложенную в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова [1755], опубликованной в 1757 году (см. Успенский [1997: 437]). Предписываемые грамматикой М. В. Ломоносова нормы русского языка ориентированы не столько непосредственно на современный ему живой русский язык середины XVIII столетия (ср. Issatschenko [1973: 256 и след.]), сколько на преодоление культурно-языковой ситуации диглоссии [Успенский 1983; 1987], нашедшей отражение в русской письменности XI-XVII веков. Как известно, кодификация М. В. Ломоносова, исходящая из своеобразного синтеза русского и церковнославянского начал, не была оригинальна (ср., например, «Славяно-русскую грамматику» Й. В. Пауса [1705-1729], см. Михальчи [1969], Nuterer [2001]), а его грамматике предшествовал целый ряд других разнообразных попыток кодификации социолингвистического феномена, складывающегося в России в первой половине XVIII века. В своей работе «Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы)» Б. А. Успенский [1997], дополняя исследование Б. О. Унбегауна [Unbegaun 1958], дал исчерпывающий обзор этих известных на сегодняшний день грамматических произведений.

Опираясь на сделанные Б. А. Успенским открытия и исследования, предлагаемая статья предполагает представить читателю неизвестный вариант русского литературного языка, сложившийся вне России уже в XVII - начале XVIII вв., кодифицированный по модели, характерной для лингвистической деятельности немецких реформаторов и в корне отличающейся от модели кодификации русского языка, предложенной М. В. Ломоносовым (ср. Mengel [2008a]). В этой связи необходимо напомнить, что основой современного немецкого литературного языка принято считать перевод Библии, сделанный М. Лютером в 1534 году на восточно-средне-немецкий диалект (*Ostmitteldeutsch*).

1. Для того, чтобы иметь основания говорить о существовании особого варианта литературного языка (т.е. языка-стандарта, см. выше), недостаточно располагать только грамматикой, предлагающей определенную систему кодификации. Думается, что для такого утверждения необходимо наличие, как минимум, еще двух немаловажных факторов, а именно: текстовой продукции, опирающейся

ся на кодифицированные в грамматике нормы, и соответствующего медиума для распространения данных текстов. Последний фактор не является лингвистическим, тем не менее именно он представляет собой неотъемлемое условие для становления определенного языкового идиома в качестве стандартизированного средства коммуникации (ср. Rehder [1995]).

Наши соображения относительно существования особого варианта русского литературного языка в домоносовский период опираются на наличие именно всех трех вышеназванных факторов в лингвистической и общественной деятельности немецких реформаторов XVII - первой половины XVIII вв. Ключевую роль в процессе становления искомого идиома сыграл, по всей вероятности, кружок пиетистов из Галле, вдохновляемый пастором А. Г. Франке (A. H. Francke, 1663-1727), профессором теологии и философии открытого в Галле в 1694 году и прогрессивнейшего¹ по тому времени университета.

2. В основе религиозно-просветительской идеи немецкого протестантизма изначально заложено положение о доступности вероучения каждому простому христианину через рецепцию религиозных текстов на родном национальном языке. Радикальные идеи пиетистов из Галле предполагали распространение «истинного христианства» на «простом» народном языке не только среди соотечественников. В планы кружка А. Г. Франке входил перевод Библии и душепасительной пиетистской литературы на различные национальные языки и её распространение в форме печатных изданий. Взгляд А. Г. Франке был устремлен на Восток: от богемских протестантов к польским католикам и далее к русским православным.

Став одним из профессоров-основателей галльского университета, А. Г. Франке со свойственной ему энергией и практической хваткой принял необходимые меры для воплощения своих радикальных идей. В 1701 году он приобрел для Сиротского Дома типографию (*Typographia orientalia et exotica*), которая кроме греческого, арабского, еврейского содержала также кириллический шрифт, купленный у И. Ф. Копиевича [Winter 1953: 396; Быкова 1958: 332-333]. Её предназначением было «милостью Божией дать доступ к религиозным печатным изданиям не только жителям Германии, но прежде всего христианам других стран», как писал А. Г. Франке². Через год, в 1702 году, он открыл при теологическом факультете *Collegium orientale theologicum*, где преподавались «восточные языки», среди них – «*Polnisch, Sclauonisch, Russisch*» [Fleckenstein, Schmidt 1997]. Первостепенной задачей коллегии являлась подготовка квалифициро-

¹ Университет в Галле был первым в Германии (и, очевидно, в Европе), где преподавание велось на немецком, а не на латинском языке.

² «... die Güte Gottes eine neue Thür öffnet <e>, nicht nur hiesigen Ländern mit dieser Gabe – d.s. religiöse Druckerzeugnisse, besonders die Bibel, Vf. – zu dienen, sondern auch auswärtigen Nationen» (цитируется по FLECKENSTEIN, SCHMIDT [1997: 7]).

ванных переводчиков. Объем текстовой продукции кружка А. Г. Франке принял весьма значительные размеры. Только так называемая «богемская» (чешская) Библия была издана в 1722 году тиражом в 5000 экземпляров. Напечатанный в Галле перевод Библии на польский язык был известен далеко за пределами Польши, в том числе в России, в среде студентов Киевской Духовной академии [Fleckenstein, Schmidt 1997: 9]. Переводы на русский язык составили в целом около 2000 печатных страниц [Mengel 2000].

3. В русском православии А. Г. Франке видел форму вероисповедания более близкую протестантскому пиетизму, чем католичество. Тем не менее, как раз здесь он вынужден был столкнуться с существенными проблемами не только религиозного плана – как известно, русское духовенство не разделяло теологических взглядов А. Г. Франке и считало лютеранство ересью –, но и с проблемами лингвистического характера. С одной стороны, важнейшей целью пиетистов было распространение слова Божия на «простом» народном русском языке – бывшую в употреблении в России церковнославянскую «Острожскую Библию» [1581] они считали недоступной простому верующему [Winter 1953: 244]. С другой стороны, языком церкви – как и языком культуры вообще – в России конца XVII - начала XVIII веков был, как известно, церковнославянский. Неоднозначные попытки разрешения дилеммы выразились в поисках нового варианта русского литературного языка.

О первом опыте перевода на русский язык, связанном с деятельностью кружка А. Г. Франке, мы узнаем из его переписки 1698-1699 гг., т.е. за несколько лет до того, как были приняты выше названные практические меры. Речь идет о переводе небольшого трактата А. Г. Франке «Anfang der christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende und Unfähige vieles zu lernen» [Francke 1696; 1703], известного также как «Малый катехизис». Излагающий кратко и доступно основы Священного писания трактатик стал программным произведением галльского пиетизма и был переведен на целый ряд европейских и неевропейских языков (см. Менгел, Челбаева [2003]). С лингвистической точки зрения представляет интерес тот факт, что в письмах язык перевода называется то церковнославянским (Scharschmidt [1698], ср. Winter [1953: 212]; Francke [1699], ср. Albrecht-Birkner, Wallmann [2006: 602]), то русским (Ludolf [1699], ср. Winter [1953: 212]). Таким образом, на первый взгляд может создаться впечатление, что члены кружка А. Г. Франке имели весьма смутное представление (или не имели его вообще) о российской культурно-языковой ситуации. Детальные исследования (см. ниже) показали, что это впечатление обманчиво.

За несколько лет до открытия *Collegium orientale*, где преподавание церковнославянского и русского языков уже было дифференцировано (см. выше), автор первой грамматики русского языка Г. В. Лудольф (H. W. Ludolf, 1655-1712), верный соратник и друг А. Г. Франке, прочитал в Галле в зимнем семестре 1697-1698 гг. впервые в Европе университетский курс русского языка [Fleckenstein,

Schmidt 1997: 8]. Как известно, в своей грамматике, изданной в Оксфорде в 1696 году [Ludolf 1696] на латинском языке, Г. В. Лудольф определяет культурно-языковую ситуацию в России как «loquendum est Russice & scribendum est Slavonice» [Ludolf 1696: A2]. По мнению А. Митцшке [Mietzschke 1941: 31] грамматика Г. В. Лудольфа использовалась в Галле для обучения русскому языку еще в 1718 году. Я. Родде (J. Rodde) в предисловии к своей грамматике 1773 года, вспоминая занятия русским языком в галльском университете, где он учился в 1744 году, пишет, однако, что там имело силу традиционное правило переходить к грамматике только после того, «как ученики уже изрядно продвинулись в изложении» [Сазонова 2008]. В этой связи, можно предположить, что Г. В. Лудольф обучал своих подопечных прежде всего русскому языку. Это предположение полностью подтверждается анализом языка приписок в письмах Г. В. Лудольфа, адресованных его бывшим «русским» ученикам. Ср.:

Для вашегѡ обученїа <...> надобно приложи^т некоторыя строки по руски. Живеть здѣсѣ некоторой пасторъ <...> онъ великой ѡхотникъ къ азыкомъ. И желалъ такожде учи^тса славенскому азыку. А нашолъ у нево Славенской Шалтырь писаной рукою. а гораздо худѡ. Есть у нево такожде церковной штеканъ /: а не помню как зову^т по руски <...>:/ на которомъ имена Спасителя и учиниковъ ево писана съ рускими литерами. кажетъ са что некоторой солдатъ воровалъ изъ церкви. С)стаю са ваши постода^ной другъ <...> Лудолфъ (Ludolf [1698], см. Mengel [2008a: 248]).

В выше названной переписке, касающейся первого русского перевода трактатика А. Г. Франке, именно Г. В. Лудольф сообщает, что он слышал «von meines werthesten freundes tractätlein in Rußisch übersetzt» (ср. Winter [1953: 212]), т.о. подчеркивая известные ему намерения пиетистов переводить религиозную литературу на народный – в данном случае на русский, а не на церковнославянский – язык.

Некоторые косвенные данные [Čiževskij 1939-1940: 288; Fleckenstein, Schmidt 1997: 8] позволяют сделать вывод, что А. Г. Франке тоже входил в число «русских» учеников Г. В. Лудольфа. Сам по себе данный факт, естественно, не может служить бесспорным доказательством тому, что пиетисты из Галле адекватно воспринимали российскую культурно-языковую ситуацию. Утверждать последнее можно благодаря другим проверенным архивным данным: на протяжении всей активной переводческой деятельности кружка пиетистов из Галле в конце XVII - начале XVIII вв. с ним были тесно связаны видные и менее известные ученые-грамматисты. При этом переводы на русский язык, издаваемые в типографии А. Г. Франке, следовали, как показали наши исследования, лингвистическим программам, направленным на кодификацию живого русского языка. Итак, перейдем непосредственно к доказательствам существования особого варианта современного русского литературного языка в доломоносовский период.

3.1 Наличие грамматики, кодифицирующей нормы искомого идиома

Кроме Г. В. Лудольфа в тесном контакте с кружком А. Г. Франке состояли известные в то время ученые и авторы русских грамматик Й. Е. Глюк и Й. В. Паус. Первый был в свое время сокурником А. Г. Франке, второй – его учеником. Именно благодаря рекомендательному письму А. Г. Франке магистру Й. В. Паусу удалось приехать в Россию и получить место преподавателя в московской гимназии Й. Е. Глюка [Перетц 1902: 110].

О лингвистической программе кодификации русского литературного языка Й. В. Пауса (J. W. Paus, 1670-1735), изложенной в его неоконченной «Славяно-русской грамматике» [1705-1729] уже упоминалось выше. Сохранение церковнославянского языка особенно в сфере религиозной литературы, как предлагал в своей системе кодификации Й. В. Паус, несомненно шло вразрез с намерениями галльских пиетистов. Думается, именно этим в первую очередь можно объяснить тот факт, что посланные Й. В. Паусом в Галле тексты для издания в типографии Сиротского Дома остались ненапечатанными, несмотря на многочисленные напоминания и запросы автора (ср. Paus [1704a], [1704b]; см. Mengel [2003]; [2008a]; ср. Fleckenstein [2000: 49-50]).

Среди грамматических произведений, направленных на кодификацию живого русского языка, непосредственно связанных с Галле, кроме грамматики Й. Е. Глюка (о ней пойдет речь ниже) нужно отметить найденный Л. Дюровичем и А. Шебергом в стокгольмском Государственном архиве печатный лист с материалами по русской грамматике – шифр: *Extranea* 157:6,38 [Ђurovič, Sjöberg 1987] – и рукописную грамматику «*Rudimenta Linguae Russicae*» Й. К. Шталя (Stahl [1745], см. Winter [1953: 207, 241-242], Eichler [1956], Успенский [1997: 440-441, 474-475, 516-517, 526-527]). По мнению Б. А. Успенского [1997: 474], оба документа непосредственно связаны между собой.

Печатный лист из стокгольмского государственного архива содержит, как известно, парадигмы русского склонения и спряжения и описание употребления русских предлогов с определенными падежами. Комментарий и описание даются на немецком языке, грамматические термины – на латинском [Ђurovič, Sjöberg 1987: 261-264]. В настоящий момент можно считать бесспорно доказанным, что т. наз. стокгольмская парадигматика была напечатана в типографии Сиротского Дома в Галле (ср. Успенский [1997]; Keipert [1997], Fleckenstein [2000]). Принципиальные разногласия ученых относительно времени возникновения – от 1708 до 1745 гг. – и авторства³ парадигматики не являются определяющими для поставленной в предлагаемой статье задачи. Решающими факторами выступают

³ Первооткрыватели печатного листа связывали его возникновение с 1708-1709 гг. [ЂUROVIČ, SJÖBERG 1987]. Н. Кайперт [KEIPERT 1997] и К. Флекенштейн [FLECKENSTEIN 2000] относят создание стокгольмской парадигматики ко времени до 1730 года. При этом Н. Кайперт соотносит её содержание с грамматическим наследием Й. В. Пауса, К. Флекенштейн – указывает на С. Тодорского как автора парадигматики. Б. А. УСПЕНСКИЙ [1997] считает напечатанный в Галле лист пробным оттиском грамматики Й. К. Шталя [СТАНЛ 1745].

кодификация в стокгольмской парадигматике русских форм и ее издание в Галле: печатный лист безусловно предназначался для преподавания русского языка в *Collegium orientale theologicum*, т.е. для подготовки квалифицированных переводчиков религиозной литературы на русский язык.

Й. К. Шталь (J. Ch. Stahl, 1697-1772), который в течение многих лет состоял в контакте с кружком А. Г. Франке до и после смерти его основателя⁴, прислал свою рукописную грамматику на латинском языке «*Rudimenta Linguae Russicae*» [Stahl 1745] в Галле в 1745 году вместе с рукописью «*Poeseos Rutheno-Slavonica. Monumenta & Exempla*» [Stahl 1720], представляющей собой собрание «виршей», записанных Й. К. Шталем у русских солдат, находившихся в 1711-1717 гг. в Померании и Мекленбурге. У них он, по всей вероятности, научился русскому языку [Успенский 1997: 440]. Обе рукописи датированы, первая – 1745, вторая – 1720 гг. По нашему мнению, они заслуживают дальнейшего детального изучения и издания, особенно грамматика «*Rudimenta Linguae Russicae*», хотя здесь следует в целом согласиться с мнением Б. А. Успенского – грамматика, очевидно, не является самостоятельной. Для поставленной в настоящем исследовании задачи важна лингвистическая установка Й. К. Шталя. Культурно-языковую ситуацию в России, где он никогда не был, Й. К. Шталь в отличие от Г. В. Лудольфа – заметим, в 1745 году! – представляет себе аналогичной культурно-языковой ситуации в средневековой Европе (или, вернее, в Германии до середины XVI века). В своей грамматике он определяет церковнославянский – язык, на котором переведено Священное писание и на котором происходит богослужение – как литературный язык образованных и ученых людей, на котором те разговаривают и читают ([Stahl 1745: 16], ср. Успенский [1997: 441]), т.е. считает его своеобразным аналогом латыни. Очевидно, поэтому грамматике «*Rudimenta Linguae Russicae*» предпослан церковнославянский алфавит в его полном объеме⁵. Тем более примечательно, что представленная в грамматике Й. К. Шталя система кодификации сознательно предписывает нормы русского языка, т.е. языка, которым владеет простой народ, не понимающий, по мнению Й. К. Шталя, по-церковнославянски [Stahl 1745: 16]. Лингвистическую установку на простой

⁴ Й. К. Шталь был в 1718-1720 гг. студентом университета в Ростоке, затем преподавателем «восточных и славянских языков» [REISNELT в печати] и с 1742 года кантором в мекленбургском городе Лааге [WINTER 1953: 242-243; EICHLER 1956; УСПЕНСКИЙ 1997: 440-441] или Терехове [REISNELT в печати]. В архиве Сиротского Дома (в настоящее время – *Franckesche Stiftungen zu Halle*) сохранилась, в основном, переписка Й. К. Шталя с Й. Г. Калленбергом (J. H. Callenberg), в которой речь идет преимущественно о просьбах Й. К. Шталя выслать ему религиозную литературу на арабском, турецком, латинском языках, на идише («*jüdisch-teutsch*») и иврите, издаваемую в Галле, т.е. о заказах книг (ср. FLECKENSTEIN [2000: 43])

⁵ Заметим опять же, в 1745 году! – более чем через тридцать лет после введения в России гражданского шрифта для текстов на русском языке. В качестве других объяснений этого факта можно предположить сознательное желание автора сохранить церковнославянский алфавит в сакральных текстах или – что, на наш взгляд, более вероятно – его неосведомленность о петровской реформе алфавита.

народный язык иллюстрируют параллельные сакральные тексты на церковнославянском и на русском языках: молитва «Отче наш» и небольшой отрывок из Библии. Если первая группа текстов (кроме русского текст молитвы дается на литовском и других славянских языках) не является оригинальной [Успенский 1997: 527], то перевод из Библии, по всей вероятности, можно считать оригинальным образчиком перевода на простой русский язык, предлагаемым автором грамматики (см. [8]).

Решающую роль в формировании искомого идиома русского литературного языка сыграли, как нам представляется, лингвистические воззрения Й. Е. Глюка, нашедшие отражение в его грамматике русского языка 1704 года, написанной по-немецки [Keipert, Uspenskij, Živov 1994].

В кружке А. Г. Франке мнение Й. Е. Глюка, а тем самым и его лингвистическая программа кодификации норм живого русского языка, должны были безусловно обладать статусом неоспоримого авторитета в силу того, что религиозно-просветительская деятельность Й. Е. Глюка, его жизненное кредо были не только близки миссионерским и переводческим идеям пиетистов из Галле, но предвосхищали их.

Ученый-энциклопедист и видный деятель Реформации Й. Е. Глюк (J. E. Glück, 1654-1705)⁶ с 1673 года был пастором в Мариенбурге, а затем пробстом Кокенгузенской епархии в Лифляндии, принадлежавшей в то время Шведской короне и, соответственно, лютеранской церкви. Чтобы донести до своей паствы, большую часть которой составляли латышские крестьяне, слово Божие, Й. Е. Глюк выучил латышский язык и перевел на него Библию. Латышский перевод Библии Й. Е. Глюка вышел в печати в 1694 году и – подобно переводу Библии М. Лютера на немецкий язык – был положен в основу современного латышского литературного языка. Подданными Шведского короля в Лифляндии и Ингерманландии (и подопечными Й. Г. Глюка) оказались также русские старообрядцы. Для их «просвещения» по приказу Густава II Адольфа уже в 1628 году был переведен на русский язык и напечатан в Стокгольме катехизис М. Лютера [Jensen 1912; Sjöberg 1975; Биргегорд 2007], включавший также библейские цитаты на церковнославянском языке [Sjöberg 1975: 14; Успенский 1987: 335]⁷. Й. Е. Глюк не только подготовил переиздание «Стокгольмского катехизиса» (см. ниже), но перевел для своих русских «прихожан» на простой русский язык текст Библии⁸.

⁶ См. подробнее в SONNTAG [1818]; Болховитинов [1845, I: 126-128]; Белокуров, Зерцалов [1907: 43]; HILLNERS [1918]; BĒRSIŅŠ [1935]; STRODS [1985]; УСПЕНСКИЙ [1997: 451-460, 532-538]; KEIPERT, USPENSKIJ, ŽIVOV [1994]; Ковригина [1998; 1999]; GLÜCK, POLANSKA [2005]; MENDEL [2007; 2008a].

⁷ По мнению Д. Чижевского [Čiževskij 1938: 68], «Стокгольмский катехизис» 1628 был переиздан в Нарве в 1701 году.

⁸ Вопрос о том, что этот перевод, предназначенный подданным шведского короля, т.е. русским старообрядцам, был – как, очевидно, и «Стокгольмский катехизис» –, по всей вероятности, с самого начала обречен на невостребованность, оставляем здесь открытым.

Об этом переводе «nach den Grundtexten ins Moskovitische» сообщает лейпцигский журнал «Die Europäische Fama» [1705: XXXV, 789 и след.] (см. Пекарский [1873: 128]; Keipert, Uspenskij, Živov [1994: 17-18]; ср. Acta eruditorum [1705]). О том, что пастор Й. Е. Глюк переводит Библию «ex idiomate authentico in linguam Russicam» писал уже в 1698 году журнал «Nova Literaria maris Baltici et Septemtrionis», издававшийся в Любеке (Bērsiņš [1935: 33-34], ср. Strods [1985: 151]), а сам Й. Е. Глюк отмечал в своих записках под 10 мая 1699 года, что продолжает работать над переводом (Hillners [1918: 36], ср. Sonntag [1818]). Лингвистической трагедией для исследователей языка является утрата русского перевода Библии Й. Е. Глюка, погибшего во время Северной войны при взятии Мариенбурга русскими войсками в 1702 году. В подтверждение его существования кроме выше названных фактов нам удалось открыть в архиве ЦГИА (Центральный Государственный Исторический Архив) в Москве еще один неизвестный до сих пор документ – копию надписи на надгробном камне Й. Е. Глюка, похороненного на немецком кладбище в Марьиной роще в Москве:

Hier ruhet/ Der Weiland hochwürdige Theologus/ Ernestus Glück. Praepositus und Pastor/ zu Marienburg in Liefvland mit/ Verstand und Muth begabet zum Glück/ und Unglücklich und glücklich von/ Gott lange vorher dem Russlande/ zudedacht. Welches sich eräußert/ zu <r> Erlernung der S(pr)achen und in Uebersetzung der/ Bibel und Hoffnung beßerer Zeiten/ Endlich A^{no} 1702 in sein<er>/ und der seinigen Gefangenschaft/ zu welcher er auf hohe Verordnung/ ein Gymnasium unter den Rußen/ angelegt und bey solcher Arbeit in/ Ruhe <ge>kommen. Er war gebohren [sic]/ A^{no} 1655 zu Wittin in Sachsen/ und starb in Moskau A^{no} 1705 den 5 May/ Sein Andenken ist im Segen (см. Mengel [2007])⁹.

Итак, для pietистов из Галле деятельность Й. Е. Глюка являлась не только примером для подражания в плане миссионерско-просветительской политики вообще – его заслуженно считали авторитетнейшим экспертом по переводу религиозных текстов именно на русский язык. Этому, по нашему убеждению, имеются неоспоримые доказательства (см. ниже). Грамматика Й. Е. Глюка, как известно, осталась неоконченной в связи с его скоропостижной и преждевременной кончиной и была издана только через 200 лет после его смерти [Keipert, Uspenskij, Živov 1994]. А. Г. Франке, однако, достоверно знал о работе Й. Е. Глюка

⁹ «Здесь похоронен бывший высокочтимый теолог Эрнестус Глюк. Пробст и пастор Мариенбурга в Лифляндии, одаренный умом и мужеством к счастью и несчастью. К счастью изначально предназначенный Богом для России, чтобы перевести <на русский язык> Библию в надежде на лучшие времена, когда <Россия> обратится к изучению языков <к просвещению>. Наконец-то в 1702 году, будучи со всеми своими близкими в <русском> плену, по высочайшему повелению он основал гимназию для русских и обрел покой в этой работе. Он родился в 1655 году в Веттине в Саксонии и умер в Москве в 1705 году 5 мая. Да будет благославенна память о нём» (свободный перевод мой – С.М.).

ка над его русской грамматикой. В своем письме из Москвы от 8 марта 1704 года (будучи уже по повелению Петра I основателем и директором первой в России гимназии) Й. Е. Глюк сообщает А. Г. Франке:

<...> Eine recht umbständliche rußische Grammatica habe ich <...> unter Händen und bis über die Helfte fertig, damit soll durch Gottes Gnade denen Ausländern zu Erlernung dieser Sprache wol Gediene seyn <...> (Glück [1704], ср. Winter [1953: 374])¹⁰.

Опираясь на известные нам исторические факты, очевидно, нет оснований предполагать, что пиетисты из Галле могли ознакомиться с текстом неоконченной грамматики Й. Е. Глюка. Его грамматические воззрения легли в основу русской текстовой продукции из Галле благодаря тому, что Й. Е. Глюк лично выступил в роли редактора (и/или корректора) первого перевода на русский язык (см. выше), напечатанного в типографии Сиротского Дома в Галле, согласно исследованию Э. Винтера [Winter 1953: 222-223], в 1704 году.

В архиве Фонда А. Г. Франке (*Franckesche Stiftungen zu Halle*, бывший архив Сиротского Дома) под шифром Н125b:4 хранится небольшой рукописный документ (14,5 страниц в 1/8 листа), написанный, в основном, по-немецки и озаглавленный «Anmerckungen über die Rußischen Frag=Stücken» (т.е. «Замечания о русских вопросах <и ответах>») (см. издание документа в Mengel [в печати]). На основе архивных изысканий и текстологического анализа нам удалось установить, что этот документ¹¹ представляет собой своеобразный отзыв о выше названном первом русском переводе «Малого катехизиса» А. Г. Франке или, иными словами, обширную правку (корректуру) этого перевода. Лингвистический анализ многочисленных грамматических комментариев, которыми изобилует отзыв-правка (и которые представляются на первый взгляд излишними), а также сравнение их с системой кодификации русского языка в грамматиках Й. Е. Глюка, Г. В. Лудольфа и Й. В. Пауса позволили с большой степенью вероятности установить, что автором правки являлся никто иной, как сам Й. Е. Глюк¹² [Mengel 2003, 2008a, в печати, Менгель 2009].

Наши исследования показали, что исправлялась рукопись перевода, текст которого представлял собой эклектическое смешение церковнославянских и

¹⁰ «... Сейчас я работаю над довольно сложной и обширной русской грамматикой, которая уже больше, чем на половину готова. Милостью Божией она сослужит хорошую службу иностранцам, желающим выучить этот язык ...» (перевод мой – С.М.).

¹¹ Документ под соответствующим шифром впервые упомянут у Д. Чижевского [Čiževskij 1939: 29], который прочитал его название как «Anmerkungen über die russischen Frag-Bücher» (т.е. «Замечания о русских вопросниках»!), и затем у К. Гюнтера [Güntner 1960: 344] под названием «Anmerkungen über russische Fragstudien (mit Verbesserungen eines Textes)» (т.е. «Замечания о русских штудиях-вопросах (с исправлениями к <некому> тексту»?!).

¹² Ср. предположение об авторстве Й. Е. Глюка у Й. Дитце [Dietze 1978] без каких-либо доказательств.

русских элементов [Mengel 2008b]. Неискушенный немец-переводчик освоил, очевидно, оба языка первоначально в устной форме. Его личность можно идентифицировать с неким Йохимом, о котором сообщает пастор лютеранской церкви в Москве Й. С. Шаршмидт в своем выше упомянутом письме А. Г. Франке от 2 сентября 1698 года, когда пишет, что нашел переводчика для его «трактатика» (Scharschmidt [1698], ср. Winter [1953: 212]). Язык первого русского перевода «Малого катехизиса» А. Г. Франке, сделанного, таким образом, в Москве, Й. С. Шаршмидт, не владевший по приезде в Россию языком страны (ср. Winter [1953:76]) и, по всей вероятности, как и переводчик Йохим, культурно-языковой ситуацией в России, в том же письме называет церковнославянским (см. выше). Тем более примечателен поступок А. Г. Франке: очевидно (и по праву), не вполне доверяя мнению Й. С. Шаршмидта, он, перед тем, как отдать перевод Йохима в печать, по всей вероятности, направил его компетентному эксперту Й. Е. Глюку¹³.

В своем отзыве-правке (предлагающем, можно сказать, новый вариант перевода именно на русский язык) Й. Е. Глюк, прекрасно владевший как церковнославянским, так и русским, последовательно различает между «Rußischer Mund-Art» (т.е. русским языком, ср. [1]) и «phrasia biblica nach der Slavonischen Version» (т.е. церковнославянским, ср. [2]), предлагая свои исправления исключительно в соответствии с «Genium Linguae Ruthenicae» (ср. [2]), т.е. с нормами русского народного языка [Mengel в печати]. Ср., например, исправления в переводе заглавия «трактатика» А. Г. Франке «Anfang der christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende und Unfähige vieles zu lernen» [Francke 1703]:

- [1] <...> **Зело неведѹющимъ**: Von diesem Worte sind 2 Dinge zu mercken: (1) ist es unrecht geschrieben: den<n> die erste Syllbe hat anstat (зе) **зѣ**: Syllaba <secun>da: anstat (о) hat **w**. Syllaba 4 anstat <...> (**вѣ**) hat **вѣ**: Syllaba 5, et 6: anstat (дѹю) hat **даю**: den<n> der Infinitivo <...> heißet **вѣдати**, daher hat das Praesens Participii nicht **вѣдѹющій**, sondern **вѣдающій**. Muß also das gantze Wort heißen: **зѣlw неведѹющимъ**. (2) Ist es nicht nach der Rußischen Mund-Art, <...> sondern es lautet beßer: <...> **невѣдающій простцамъ**. **Простецъ** heißet ein einfältiger <...> («Anmerckungen über die Rußischen Frag=Stücken»)¹⁴.

¹³ Возможно, что перевод Йохима направил Й. Е. Глюку сам Й. С. Шаршмидт. По всей вероятности, они были знакомы, ср. WINTER [1953: 245].

¹⁴ «... **Зело неведѹющимъ**: по поводу этого слова необходимо сделать два замечания: (1) Оно неправильно написано, т.к. в первом слоге вместо (зе) должно стоять **зѣ**; во втором слоге – вместо (о) должно стоять **w**. В слоге 4 – вместо <...> (**вѣ**) – **вѣ**. В слогах 5 и 6 вместо (дѹю) нужно писать **даю**, т.к. инфинитив называется **вѣдати**, поэтому причастие настоящего времени должно быть не **вѣдѹющій**, а **вѣдающій**. Итак всё слово должно писаться **зѣlw неведѹющимъ**. (2) Но это звучит не по-русски, <...> лучше звучит **невѣдающій простцамъ**. **Простецъ** обозначает простой, простоватый, простонародный ...» (перевод мой – С.М.).

Система кодификации русского языка, представленная в неоконченной грамматике Й. Е. Глюка, отличается тремя характерными особенностями, отсутствующими в их совокупности в других грамматических произведениях его времени: 1) особая подача склонения существительных, 2) объединение под аблативом предложного и творительного падежей и 3) кодификация формы инфинитива на *-ти*. Многочисленные и подробные грамматические комментарии в отзыве-правке последовательно отражают все три особенности системы кодификации Й. Е. Глюка (см. подробно в Mengel [2003; в печати], Менгель [2009]). Излишними комментариями могут показаться только непосвященным. Исконной целью грамматических справок было, по всей вероятности, руководство к действию при создании текстов-переводов на русском языке, которое Й. Е. Глюк подобным образом предположил (и которое соблюдалось впоследствии, см. ниже) своим единомышленникам из Галле.

Если две первые особенности кодификации русского языка в грамматике Й. Е. Глюка отражают схему грамматического описания, ориентированную на подачу грамматического материала в латинских грамматиках [Успенский 1997: 456 и след.], что в целом характерно для грамматических произведений XVI-XVIII вв., то третья особенность является, по нашему убеждению, ключевой для понимания модели кодификации, использованной в грамматике Й. Е. Глюка, и указывает на диалектную основу того варианта живого русского языка, который был положен в основу кодификации. Модель кодификации «простого» народного языка с ориентацией на определенный диалект была характерна для просветительской деятельности немецких реформаторов¹⁵.

Факт кодификации якобы церковнославянской формы инфинитива на *-ти* в русской грамматике Й. Е. Глюка считался до сих пор отражением определенной противоречивости и непоследовательности его системы кодификации: начиная с Г. В. Лудольфа [1696] в грамматиках русского языка давался инфинитив на *-ть*, характерный, как известно, и для современного русского литературного языка. Форма инфинитива на *-ть* отражена также в стокгольмской парадигматике и в грамматике Й. К. Шталя, непосредственно связанных с Галле (см. выше). Трудно себе представить, чтобы Й. Е. Глюк, сознательно выстраивающий свою кодификацию русского языка на его противопоставлении церковнославянскому [Успенский 1997: 455 след.], в качестве нормы инфинитива предлагал церковнославянскую форму. Такое предположение выглядит еще менее вероятным в свете того, что форма инфинитива играет в его грамматике центральную роль, например, при классификации спряжений глагола, которые – всего пять – выделяются по тематической гласной инфинитива в соответствии со схемой описания в латинских грамматиках (Успенский [1997: 457], Keipert, Uspenskiĭ, Živov [1994:

¹⁵ Вспомним восточно-средне-немецкий диалект (*Ostmitteldeutsch*), легший в основу современного немецкого литературного языка в связи с переводом на него Библии М. Лютером (см. выше).

266-297]). Тем не менее, инфинитив на *-ти* кодифицируется Й. Е. Глюком сознательно. В своем отзыве-правке первого русского перевода из Галле он последовательно исправляет некорректные с его точки зрения формы инфинитива: «*vor вероватъ soll stehen вѣровати*», «*vor житъ soll stehen жити*» и др., и использует инфинитив на *-ти* в тексте комментариев (ср. [1]). Такому кодификаторскому решению Й. Е. Глюка, на наш взгляд, может быть единственное объяснение. Он считал инфинитив на *-ти* исконно русской формой, т.к. положил в основу своей модели кодификации живого русского языка севернорусское наречие, диалект, на котором говорили его подопечные в Лифляндии и Ингерманландии. Именно этот диалект Й. Е. Глюк выучил в качестве живого русского языка. Ср. по этому поводу высказывание самого Й. Е. Глюка, сделанное в 1699 году:

<...> was **Ingermannland, Carelen, Reußland** und das ganze Moskowitische Reich vor eine Bibel habe, ist bekannt, nemblich die Slawonische, von welcher die *Vernacula Russica* so weit discrepieret, daß ein gemeiner Russe davon keinen einzigen *Periodum* recht verstehen kann. Dies nahm ich auch zu Herzen, und fand durch Gottes Führung Gelegenheit, **diese Sprache auch zu erlernen** (цитируется по Sonntag [1818: 697]; выделения жирным шрифтом мои – С.М.)¹⁶.

Инфинитив на *-ти* и по сей день широко представлен в севернорусской диалектной зоне Архангельска, Вологды, Владимира, Пскова [Пожарицкая 1997: 105] и в русских говорах Балтии (в том числе и в современной Латвии, где в свое время протекала деятельность Й. Е. Глюка)¹⁷.

При кодификации русского языка Й. Е. Глюк, по всей вероятности, опирался и на тексты – уже существующие и свои собственные –, отражающие, по его мнению, живой русский язык. Такой подход опять же характерен для модели кодификации в духе просветительской деятельности немецких реформаторов: перевод Библии М. Лютера предшествовал грамматикам современного немецкого литературного языка так же, как перевод Библии самого Й. Е. Глюка на латышский – грамматикам латышского. Взаимосвязанность обоих факторов характерна, в сущности, для создания любого языка-стандарта.

3.2 Наличие текстовой продукции, отражающей кодифицированные в грамматике нормы

Первым текстом рассматриваемого в предлагаемой статье варианта сов-

¹⁶ «... какая Библия в ходу в **Ингерманландии, Карелии**, России и во всем Московском царстве известно – церковнославянская. Ее язык так далек от русского, что простой русский человек не понимает, ни строки. Я близко принял это к сердцу и с Божией помощью нашел возможность **изучить этот язык**» (свободный перевод мой – С.М.).

¹⁷ Форму инфинитива на *-ти* в последствии считали истинно русской и некоторые русские ученые-грамматисты: А. П. Сумароков [1787: X, 43] и А. А. Барсов [1981: 591] кодифицируют ее в своих грамматиках русского языка.

ременного русского литературного языка домоносовского периода, на который мог опираться и опирался, по всей вероятности, Й. Е. Глюк при кодификации русского языка в своей грамматике 1704 года, был уже упомянутый выше «Стокгольмский катехизис» [1628]. Собственным русским текстом Й. Е. Глюка являлся его перевод Библии на русский язык. Практика создания обоих текстов выявляет параллели. Перевод «Стокгольмского катехизиса» на русский язык был выполнен шведским переводчиком немецкого происхождения Г. Флёррихом (H. Flöhrich) при поддержке русского дьяка И. Торцакова (I. Tortzakof) [Jensen 1912: 139]. Й. Е. Глюк изучал русский язык и делал свой перевод Библии «mit einigen gelehrten Mönchen in dem Kloster Pitschur, das nicht weit von den livländischen Gränzen liget» [Gadebusch 1777, I: 428], т.е. ему помогал(и) «ученый<е> монах<и>» из Псковско-Печерского монастыря (ср. Успенский [1997: 534-535])¹⁸. Хотя перевод Библии Й. Е. Глюка не сохранился, диалектная принадлежность его помощника(ов) и лингвистическая установка самого Й. Е. Глюка (см. выше) позволяют с уверенностью предположить, что в основу и этого русского перевода было положено севернорусское наречие. Некоторые замечания в отзыве-правке первого русского перевода из Галле позволяют, как думается, получить общее впечатление о языке утерянного перевода Библии Й. Е. Глюка, к сожалению, – в связи с рудиментарным характером русского текста правки – менее конкретное о его диалектной основе, но вполне достоверное о его лингвистической установке на простой, понятный простому верующему, язык. Ср.:

[2] <...> **кѸплень** soll heißen **кѸплень** mit einem **Ѹ**. dazu ist **цѸбноу кѸплень** zwar *phrasis biblica* nach der *Slavonischen Version* welche den Griechischen Text (:τιμής ἠγοράσθητε:) also *metaphrastisiret*: es ist aber sowol wieder den *Genium Linguae Rutenicae*, als auch unzureichlich den *Sensum* zu *exhauriren*: den<n> vielmehr ists, wen<n> ich sage: **Ihr seÿd theiÿer erkauft**, als wen<n> ich sage: ihr seÿd vor einen Werth gekauft: *pretium* kan auch nur ein Pfening oder Heller seÿn. ist also beÿer, daß es heiße: **драгв-кѸплень** («Anmerckungen über die Rußischen Frag-Stücken»)¹⁹.

Ср. в «Острожской Библии» [1581/1988: л. АД]: «... или невѣсте, яко тѣлеса ваша хрдъ живѣщемъ въ васъ стѣомъ дхѣ сътъ егоже имате ѿ ба, и нѣсте себѣ: кѸплени бо есте цѸбноу».

¹⁸ Ср. также сообщение Й. Е. Глюка, сделанное в 1699 году, о том, что он содержит дома «einen Russischen alten Prister» («старого русского священника»), который помогает ему переводить церковнославянскую Библию на русский язык [SONNTAG 1818: 701].

¹⁹ «... **кѸплень** должно писаться **кѸплень** с Ѹ. Кроме того **цѸбноу кѸплень**, хотя и является выражением из церковнославянской Библии, которое соответствует греческому (:τιμής ἠγοράσθητε:), т.е. метафразирует его, *противно духу* <нормам> русского языка и неясно по смыслу. Намного лучше будет сказать: “**Вы дорого куплены**”, чем “**Вы куплены ценою**”. Цена может быть и всего лишь копейка. Поэтому лучше написать **драгв-кѸплень**» (перевод мой – С.М.).

«Die Europäische Fama» [1705: XXXV, 789-790] сообщает, что Й. Е. Глюк якобы перевел на русский язык и катехизис М. Лютера. Нам представляется, что здесь, вероятнее всего, может идти речь о редакторской деятельности Й. Е. Глюка. В архиве фонда А. Г. Франке под шифром H155M96 находится документ, представляющий собой неполный список «Стокгольмского катехизиса» 1628 года (см. Mengel [2008a: 253]). В документе текст названия – «КАТНХНΣΙΣ си есть грѣческое слово. А порѹски именуется. Крѣстьянское Оученіе перечнемъ, что члкъ подобаетъ. прежевсего оучитися ивѣдати. о спсеніи дши своей»²⁰ – без указания выходных данных (вписан только год издания) и следующих трех коротких молитв полностью совпадает с печатным экземпляром. Далее следуют десять заповедей с толкованиями, после чего список обрывается. В тексте заповедей между списком и печатным экземпляром имеются незначительные, но важные по содержанию разночтения. Оба текста различаются также тем, что в печатном экземпляре заповеди даются сначала без толкований, они вводятся только через несколько страниц. Сравнение разночтений в списке с замечаниями в отзыве-правке первого русского перевода из Галле 1704 года позволяет предположить, что представленный в списке текст «Стокгольмского катехизиса» редактировался Й. Е. Глюком, ср.:

[3] Третья. Помни днь неделный, или во^окрє^енїя сѣтити его. (Список Стокгольмского катехизиса из Галле).

<...> сѣботны^н: Ob wol dis Wort in der Slavon<ischen> Bibel stehet, so haben doch die Rußen selber in ihrer Православное Иповѣданне [sic] es geändert und davor gesetzt: савватны^н, ohne Zweifel, weil сѣбота der Sonnabend heißet. <...> sind ausgelassen die Worte: сѣтити егѡ («Anmerkungen über die Rußischen Frag-Stücken»)²¹.

Ср. в «Стокгольмском катехизисе» [1628]: Третьяга. Помни день воскресенїа. или сѣботный.

Ср. в катехизисе М. Лютера (1534, см. Luther [1832]): Das dritte Gebot. Du sollst den Feiertag heiligen.

Ср. в «Малом катехизисе» А. Г. Франке [Francke 1703: 9]. Wie lauten die Gebote: <...> Das dritte: Du sollst den Feiertag heiligen.

В уже упомянутом выше письме от 8 марта 1704 года Й. Е. Глюк сообщает А. Г. Франке, что посылает ему для напечатания в типографии Сиротского дома в Галле «ein Gebethbuch, Catechismum etc.». Думается, что есть основания идентифицировать имеющийся в Галле неполный список «Стокгольмского

²⁰ По техническим причинам здесь и далее не воспроизводятся, за исключением тита, надстрочные знаки оригинала.

²¹ «... сѣботны^н: хотя это слово стоит в церковнославянской Библии, сами русские в своём Православн<омъ> Иповѣданн<и> [sic] изменили его и написали: савватны^н, вне всякого сомнения потому, что сѣбота обозначает их субботу <день недели>. <...> пропущены слова: сѣтити егѡ» (перевод мой – С.М.).

катехизиса» с «Catechismum», названным в письме, и, таким образом, предположить, что в Галле планировалось переиздание «Стокгольмского катехизиса» в редакции Й. Е. Глюка. Итак, между ранней текстовой продукцией на русском языке, ориентированной на севернорусское наречие, положенное Й. Е. Глюком в основу кодификации русского языка в его грамматике 1704 года, и последующей издательской и переводческой деятельностью кружка А. Г. Франке из Галле можно проследить последовательную связь, центральным звеном которой явилась личность Й. Е. Глюка и его редакторская и кодификаторская деятельность.

К несохранившимся, но известным нам текстам рассматриваемого варианта русского литературного языка относятся, таким образом, перевод Библии Й. Е. Глюка (возможно также его второй перевод Нового завета, сделанный в Москве, см. Mengel [2007]) и отредактированный им первый перевод «Малого катехизиса» А. Г. Франке, напечатанный в Галле в 1704 году. Печатный экземпляр этого издания до сих пор не найден (см. Mengel [в печати]). Обнаруженный в Галле документ «Anmerckungen über die Rußischen Frag-Stücken» позволяет, однако, как было показано выше, получить общее впечатление о языке обоих текстов. Сохранившиеся известные нам тексты представлены «Стокгольмским катехизисом» 1628 года²², его неполным списком в редакции Й. Е. Глюка²³, а также последующими переводами из Галле (см. ниже). Все тексты отражают кодификацию русского языка в грамматике Й. Е. Глюка, ориентированную, по нашему убеждению, на севернорусское наречие: их характерной особенностью является употребление формы инфинитива на *-ти*. См. к выше приведенным примерам [1], [3] следующие отрывки из «Стокгольмского катехизиса» [1628] и второго перевода «Малого катехизиса» А. Г. Франке 1718 года:

²² В 1701 году в Нарве было выпущено издание катехизиса М. Лютера [LUTHERI CATECHISMUS 1701] с параллельными текстами на шведском и русском языках, при этом русский текст был набран латиницей. Очевидно, это издание Д. Чижевский считал переизданием «Стокгольмского катехизиса» (см. выше). С 1704 года экземпляр нарвского издания хранится в университетской библиотеке в Упсале (Швеция). Госпожа профессор И. Майер любезно предоставила мне копию этого издания. По сравнению со «Стокгольмским катехизисом» в тексте имеются разночтения. Его язык требует дальнейшего изучения. Еще одним документом, хранящимся в Швеции и содержащим частично текст катехизиса М. Лютера на русском (набран кириллицей) и шведском языках, является «Alfabetum Rutenogum», за копию которого я также приношу благодарность И. Майер. Весьма интересный с лингвистической точки зрения текст этого документа, особенно фонетическое описание русских звуков, тоже нуждается в дальнейшем внимательном изучении (ср. SjöBERG [1975]).

²³ К текстам, созданным Й. Е. Глюком, следует еще отнести его переводы 52 протестантских духовных песен, опубликованные В. Н. ПЕРЕТЦЕМ [1902], но хранящиеся также в рукописи в Тюрингской национальной библиотеке в Веймаре (шифр 0350), его проповеди [ПЕРЕТЦ 1902: 76 и след.] и «Приглашение къ Російскимъ юношамъ» [БЕЛОКУРОВ, ЗЕРЦАЛОВ 1907: 53-55], а также переводы Коменского и других учебников, сделанные для московской академической гимназии [БОЛХОВИТИНОВ 1845: I, 126; УСПЕНСКИЙ 1997: 534]. Все эти тексты требуют дальнейшего внимательного изучения.

- [4] Десѣтаѣмъ <...> •т<олкование>• Достойтъ намъ вѣа болатиса него любити. Чѣобы намъ ближнего своего женѹ рава <...> илискотинны лѣстью засеѣа нежадѣти. неподобаетъ намъ и^х оутвержати, чѣобы онѣ всталиса идѣлали должное свое [«Стокгольмский катехизис» 1628].
- [5] Второе ѡ избавленіи. Вѣрѹю во Гѣа Хѣа <...> Гѣа нашего. которой <...> претерпѣлъ при поитїнстемъ пилате. распатъ оумеръ <...> нвознесеса на небо иседитъ [sic] ѡдеснѹю вѣа <...> иѡтѣды онъ прїидетъ сѣдити живым имертвѹмъ; •т<олкование>• Вѣрѹю чѣо Гѣа Хѣа <...> Гѣа мой которой ма <...> свободилъ їнзавилъ ѡвсѣхъ грѣховѣхъ иѡсмерти <...> дла того чѣобы а³ его былъ невѣгоцѣтвини поднимъ жилъ. И емѹ работалъ вѣвѣковѣчной правдѣ, вневинности... [там же].
- [6] Вопросъ 3 г. Сей единъ и истинный Бгъ который Отець. Сынъ и стѣый Дхъ иманѣтсѣа естѣ ли тойже и твой Бгъ и Господь. ѡвѣтъ. Онъ естѣ мой Бгъ и Гдѣ. а га егѡ равѣ кровнѹю искупленъ нбо има егѡ крещенъ, потомѹже долженствѹю емѹ поклонатиса, слѹжити и послѣшати (рукопись второго перевода «Малого катехизиса» А. Г. Франке 1718 года).

Не имея возможности в рамках статьи подробно проанализировать характерные признаки русского языка, представленные в [4] – [6], укажем лишь на последовательное употребление формы на -л для выражения прошедшего времени и русский синтаксис на уровне грамматики, а также на последовательное использование местоимения (союза) *который* на лексическом уровне. Специфическая севернорусская фонетическая особенность представлена, как думается, в форме *седитъ* [5], отражающей еканье в первом предударном слоге [Пожарицкая 1997: 37-43]. Лексемами простого русского языка являются, безусловно, формы *жадѣти* [4], *ѡтѣды*, *свободилъ* [5].

Приведем для сравнения близкий по смыслу отрывок из русского катехизиса Ф. Прокоповича [1720] «Первое Оученіе Отрокомъ», написанного на «простом» языке, под которым в России понимался, как известно, не живой русский язык, а так называемый «гибридный церковнославянский» [Живов 1996]. Форма инфинитива на -ти наряду с другими характерными признаками является здесь несомненно церковнославянской:

- [7] Исповѣдѹю же и смотреніе спасенія нашего снѡмъ Бжѣимъ Гдѣемъ нашимъ Іисъ Хѣтомъ содѣланное <...> вивѣ за насъ ходатай Бгѹ, и за грѣхи наша распатъ при понтийстѣмъ Пилатѣ, и страдавъ, и погребенъ, и воскрѣсъ <...>, оудовлетвори за насъ правосѣдію Бжѣію, да всакъ вѣрѹай въ него. По воскрѣрніи же своемъ взыде чѣдеснѣ съ плотнѹю на небса, и сѣде ѡдеснѹю Оца <...> во скончаніе міра сегѡ, прїидетъ со славою сѣдити живы^х и мертвѹхъ [Прокопович 1720].

На «гибридный церковнославянский» перевел основные произведения пиетистской литературы С. Тодорский (1699/1700-1754), который был студентом в Галле с 1729 по 1735 гг. [Mengel 2000]. Язык этих переводов требует дальнейшего изучения (ср. Менгель [2000], Mengel [2004]).

Несмотря на «золотую версию» (*guldene Version*) языка переводов, как писал о нем сам С. Тодорский (ср. письмо от 14 августа 1738 года в Winter [1953: 417]), пиетисты из Галле осознавали, что «версия» С. Тодорского отличается от живого русского языка (ср. Успенский [1997: 514-517, 560-561]). Об этом свидетельствует среди прочих тот факт, что Й. К. Шталь прилагает к своей грамматике, присланной в дар библиотеке Сиротского дома в 1745 году (см. выше), следующий образец перевода Священного писания на русский язык:

[8] *Geneseor cap. I, 4.1.2* **Въ** началѣ сотворилъ богъ небеса и землю. **И** земля была пѣста и порожна, и темнота была на пропасти и дѣхъ вожій носился на водахъ. V. 26. 27 **И** Богъ говорилъ: мы бѣдемъ сотвори^т чловѣка, на^{ко} образъ нашемъ по подобіе наше, и бѣдѣт^г господствовать на рыбахъ въ морѣ и на птицахъ подѣ небомъ и на свѣра^{хъ} [sic] и на цервя^{хъ} [sic] ползѣци^{хъ} на крѣгомъ [sic] **Семномъ** [sic], и богъ сотворилъ чловѣка ко образъ своемъ, по подобіе свое сотворилъ ево [sic], сотворилъ мѣж и женѣ [Stahl 1745].

Несколько характерных фонетических (**свѣра^{хъ}**, **Семномъ**) и других ошибок указывают, как представляется, на нерусское происхождение переводчика. Текст в целом отражает те же нормы русского языка, которые представлены в [4] – [6] (и частично в [1], [3]). Помимо последовательного употребления формы прошедшего времени на -л и русского синтаксиса фигурирует русская форма родительного падежа личного местоимения **ево**. Особенно показательным, что в тексте употребляется инфинитив на -ти, несмотря на то, что в предшесвующей ему грамматике кодифицируется форма инфинитива на -ть. Таким образом, прилагаемый Й. К. Шталем текст вне всякого сомнения принадлежит к рассматриваемому варианту русского литературного языка, нормы которого с опорой на севернорусское наречие кодифицировал в своей грамматике Й. Е. Глюк²⁴. Итак, пиетисты из Галле и широкий круг их единомышленников возможно не совсем адекватно и по-разному понимали механизм сосуществования русского и церковнославянского языков в ситуации диглоссии в России (ср. выше определения Г. В. Лудольфа и Й. К. Шталя), но бесспорно правильно видели сформировавшийся к XVII веку генетический разрыв между живым русским и церковнославянским. При этом их религиозно-просветительская концепция сознательно предусматривала текстовую продукцию религиозной литературы на сугубо народном – русском – языке, понятном и доступном простому верую-

²⁴ Форму цервя^{хъ} можно было бы классифицировать как отражение севернорусского цоканья. Сделать такой вывод однозначно не позволяет, однако, малый объем текста.

щему. Этой лингвистической установки, очевидно, совершенно не осознавало российское духовенство. «Православное исповѣданіе вѣры» [1696: Соб.], критикуя лютеранство, сообщает, что его приспешники для распространения своей ереси издали в Стокгольме в 1628 году катехизис М. Лютера «преведше на славенский чистый діалектъ». Таким образом, «лингвистическая ересь» текстовой продукции лютеранства осталась незамеченной. По всей вероятности, этот факт сыграл немаловажную роль при распространении соответствующих текстов в России.

3.3 Наличие медиума для распространения текстов

Если «Стокгольмский катехизис» 1628 года предназначался для русских подданных шведского короля – русских старообрядцев – и остался, скорее всего, невостребованным, то русская печатная продукция из Галле предусматривалась для распространения в России. На солидную основу было поставлено не только производство текстовой продукции в Галле, т.е. подготовка переводчиков на базе университета и издание переводов в специализированной типографии Сиротского дома (см. раздел 2). Благодаря личным контактам А. Г. Франке удалось создать широко разветвленную сеть для распространения текстов в России, охватывающую приближенных царя и самого Петра I. С Петром лично был знаком Г. В. Лудольф [Ларин 2002: 514 и след.]. С 1703 года по протекции своей воспитанницы, второй жены Петра I Екатерины I, Й. Е. Глюк стал ближайшим соратником Петра в деле просвещения и образования в России (см. выше).

Показательным примером функционирования медиума является судьба второго перевода «Малого катехизиса» А. Г. Франке, напечатанного в Галле в 1718 году [Winter 1953: 223-224] под названием «Начало хрістіанскаго ўченія. Во ўпотребленіе и въ ползѣ всакомѣ правовѣрномѣ хрістіанинѣ наипаче невѣдающимѣ, и много изѣстнѣмъ не могѣющимѣ»²⁵. Его автором был К. М. Родде (С. М. Rodde, 1689-1743). Родившись в Нарве в знатной купеческой семье, он в возрасте 15 лет попал в плен вместе с другими жителями Нарвы (после ее взятия русскими войсками в 1704 году в ходе Северной войны) и был отправлен в Вологду, где выучил русский язык. С 1711 по 1715 гг. К. М. Родде служил домашним учителем в семье известного московского фабриканта П. Мюллера (P. Müller), председателя общины лютеранской церкви в Москве, изучавшего в своё время теологию в Галле. В доме П. Мюллера собирались пietetически настроенные представители высшего общества и духовенства, поддерживавшие тесные контакты с кружком А. Г. Франке. С ранней молодости К. М. Родде готовился к духовной карьере, которая состоялась: в 1734 году он стал епископом Ингерманландии. В Галле К. М. Родде учился с 1716 по 1719 гг., но не закончил полного курса теологического факультета – по настоянию А. Г. Франке

²⁵ В архиве фонда А. Г. Франке сохранилась только рукопись этого перевода (см. «Архивные документы», ср. [6]). Печатный экземпляр пока обнаружить не удалось.

он поступил на службу к русскому генералу А. фон Вейде (A. von Weyde) в качестве «Cabinet-Prediger» (т.е. «домашнего проповедника», см. Milde [1721], ср. Fundaminski [2001: 360]). А. фон Вейде был весьма влиятельным лицом в окружении Петра I. Итак, биография К. М. Родде говорит сама за себя. Она позволяет не только не сомневаться в том, что язык его перевода должен был принадлежать к рассматриваемому здесь варианту русского литературного языка (ср. [6], см. Менгел, Челбаева [2003]), но указывает на каналы, по которым тексты из Галле распространялись в России.

Уже в письме от 5 мая 1719 года Е. Гутслафф (E. Gutsloff d. Ä.) сообщает, что напечатанный в Галле перевод «Малого катехизиса» А. Г. Франке, выполненный К. М. Родде, был представлен Петру его приближенными в качестве свидетельства об интересе к русскому языку в Германии. «Его Величество» благосклонно отнесся к «трактатику» и приказал переиздать его в Петербурге тиражом в 100 экземпляров. Два года спустя полковник Б. Й. Кампенгаузен (B. J. Campenhausen) пишет, однако, что показывал «книжечку» царю во время одного разговора: Петр I прочитал ее несколько раз, но переиздавать в России не захотел [Fundaminski 2001: 368]. Думается, что такое, на первый взгляд противоречивое поведение российского императора связано с тем, что в 1720 году в России вышел на «простом» языке катехизис Ф. Прокоповича (ср. [7]).

О том, что «**Первое Оученіе Отрокомъ**» всё-таки не удовлетворило ожиданий Петра, и именно поэтому перевод К. М. Родде из Галле имел реальный шанс стать официальным русским катехизисом – а значит, отраженный в нем вариант русского литературного языка мог бы серьезно конкурировать с принятой позднее в России моделью кодификации или даже предупредить ее –, мы узнаем из письма самого К. М. Родде от 25 июня 1725 года, ср.:

Незадолго до своей смерти царь держал совет со знатнейшими и влиятельнейшими в стране мужьями церкви, чтобы решить вопрос о том, как всё-таки просветить народ и открыть ему правду в наиболее простой и краткой форме. Его Величество сказал, что русский катехизис всё ещё слишком длинен, он должен быть короче, и предложил вышеназванный трактатик [т.е. перевод «Малого катехизиса» А. Г. Франке – С.М.], чтобы церковные ученые и духовенство проверили его и издали **несколько тысяч экземпляров**. Сразу же архиепископ <Ф. Прокопович> (потому что знал, что трактатик перевел я) послал ко мне викария с сообщением о предложении Его Величества и потребовал один экземпляр трактата <...> (перевод и выделения мои – С.М.)²⁶.

²⁶ «... Kurtz vor des Kayzers Tode hatten derselbige mit den vornehmsten Geistlichen dieses Reiches eine conferenz gehalten, wie man doch der Unwissenheit des Volcks abhelfen und die Erkänntniß der Wahrheit ihnen gantz einfältig und kürzlich beybringen könnte. Darauf hätten Ihre Majest. gesagt: der russische Catechismus wäre noch zu weitlaufig, es müste kürzer seyn, dabey hatte Sie das obgemeldete Tractätgen vorgeschlagen, dass die Geistlichen dasselbe reuidiren und **etliche 1000mal herausgeben** möchten, worauf denn auch der Erzbischof <Th. Prokopovič> (weil er vernommen, daß

Честолюбивым надеждам пиетистов из Галле не суждено было осуществиться. Тем не менее распространение их текстовой продукции в России успешно продолжалось. Несколько раз К. М. Родде обращался в Галле с просьбой прислать ему новую партию печатных экземпляров его перевода. В своем письме от 10 декабря 1728 года он настоятельно требует напечатать с уже имеющегося в типографии в Галле набора за его счет несколько сот экземпляров трактатика и отправить ему в Нарву [Rodde 1728; Fundaminski 2001; 366 и след.]. Это требование было, очевидно, удовлетворено в 1729 году (а не в 1735 году, как предполагалось до сих пор, ср. Winter [1953: 231]): «Малый катехизис» А. Г. Франке в переводе К. М. Родде был переиздан в Галле во второй редакции [Менгель, Челбаева 2003]. Это издание (без выходных данных) обнаружено в различных библиотеках России [Вуклова 1966; Mengel 2005].

4. В заключение подведем итоги. О существовании особого варианта русского литературного языка в доломоносковский период, т.е. в период до кодификации в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова [1745] языковых норм, легших в основу современного русского языка-стандарта, свидетельствуют следующие факты:

- 1) Начиная с XVII века западноевропейские реформаторы, следуя своей доктрине сделать «истинное» христианство доступным простому верующему, изготовляли переводы религиозной литературы на живой русский народный язык. Переводы предназначались прежде всего русскому населению шведской Ингерманландии и Лифляндии, поэтому их «народной основой» стало севернорусское наречие.
- 2) В результате кодификации норм данной текстовой продукции в грамматике (Й. Е. Глюк, «Grammatik der russischen Sprache», 1704) оформляется вариант русского литературного языка по характерной для движения Реформации модели с опорой на один из диалектов живого народного языка (т.е. на севернорусское наречие). Данная модель кодификации в корне отличалась от сложившейся позже в России в середине XVIII века модели, положенной в основу современного русского литературного языка и ориентированной, как известно, на культурно-языковую ситуацию диглоссии с дополнительной дистрибуцией церковнославянского и русского.
- 3) Благодаря активной переводческой и издательской деятельности кружка реформаторов-пиетистов А. Г. Франке из Галле, его контактам в приближенных к российскому императору кругах в первой трети XVIII века

ich es vertiret) seinen Vicarium an mich sandte und ein Exemplar verlangte, mit dem Vermelden, was der hochsel. Herr vorgeschlagen ...» (цитируется по FUNDAMINSKI [2001: 368 и след.], ср. MILDE [1721], WINTER [1953: 365]).

текстам созданного в рамках движения Реформации варианта русского литературного языка был предоставлен необходимый медиум для их распространения в России.

Возможно лишь внезапная смерть Петра I помешала представленному здесь неизвестному варианту русского литературного языка домоносовского периода претендовать на статус официального языка-стандарта в России.

Литература

- БАРСОВ 1981 - А. А. Барсов, *Российская грамматика (1783-1788)*. Подготовка текста и текстологический комментарий М. П. Тоболовой. Под редакцией и с предисловием Б. А. Успенского, Москва.
- БЕЛОКУРОВ, ЗЕРЦАЛОВ 1907 - С. А. Белокуров, Н. А. Зерцалов, *О немецких школах в Москве в первой трети XVIII века, 1701-1705*, Москва (Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете).
- БИРГЕГОРД 2007 – У. Биргегорд, “Переводчики с русского языка в Швеции 18 века. О чем говорят тексты?”, в изд. *Соболевский и русское языкознание (к 150- летию со дня рождения ученого)*. Тезисы докладов научной конференции, Москва, 8.
- БОЛХОВИТИНОВ 1845 - Е. Болховитинов, *Словарь светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, служащий дополнением к Словарю писателей духовного чина, составленному митрополитом Евгением*, т. 1-2, Москва.
- БЫКОВА 1958 - Т. А. Быкова, “Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тесинга”, в изд. *Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725*. Составители Т. А. Быкова и М. М. Гуревич, Москва-Ленинград, 318-341.
- ЖИВОВ 1996 - В. М. Живов, *Язык и культура в России XVIII века*, Москва.
- КОВРИГИНА 1998 - В. А. Ковригина, *Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв.*, Москва.
- КОВРИГИНА 1999 - В. А. Ковригина, “Глюк/Глик (*Glück*) Иоган Эрнст”, в изд. *Немцы России. Энциклопедия*, т. 1., Москва, 581-582.
- ЛАРИН 2002 - Б. А. Ларин, *Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI-XVII веков*, Санкт-Петербург.
- ЛОМОНОСОВ 1755 - М. В. Ломоносов, *Российская грамматика*, Санктпетербург.
- МЕНГЕЛЬ 2002 - С. Менгель, “К истории становления русского литературного языка нового типа”, *Известия Академии наук России. Серия литературы и языка* 62, 35-40.
- МЕНГЕЛЬ 2009 - С. Менгель, “«Ist es nicht nach der Rußischen Mund=Art». У истоков русского литературного языка нового типа”, в изд. *Die russische Sprache und Literatur im 18. Jahrhundert: Tradition und Innovation. Gedenkschrift für Gerta Hüttl-Folter*. Herausgegeben von Ju. Besters-Digler und F.B. Poljakov, Frankfurt am Main, 161-177 (Русская культура в Европе, 5).
- МЕНГЕЛ, ЧЕЛБАЕВА 2003 - С. Менгел, Т. Челбаева, “Малый катехизис А. Г. Франке и его переводы на русский язык”, в изд. *Slavia Orthodoxa. Език и култура. Сборник в чест на проф. д-р Румяна Павлова*, София, 230-243.
- МИХАЛЬЧИ 1969 - Д. Е. Михальчи, *Славяно-русская грамматика Иоанна Вернера Паузе*. Автореферат докторской диссертации, Ленинград.
- Начало христiанскаго ученiя. Во употребленiе и въ ползу всякому правовѣрному христiанину наипаче невѣдающимъ, и много извѣстнѣу учитися не могущимъ** [Галле 1727].
- ОСТРОЖСКАЯ БИБЛИЯ 1581- *Библия сирѣчь книги Ветхаго и Новаго завѣта по языку словенску*. Цитируется по репринту М., 1988 (фототипическое переиздание текста с

- издания 1581 года осуществлено под наблюдением И. Д. Дергачевой по экземплярам Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ, Москва).
- ПЕКАРСКИЙ 1873 - П. П. Пекарский, *Наука и культура в России при Петре Великом*, Санкт-Петербург.
- ПЕРЕТЦ 1902 - В. Н. Перетц, *Историко-литературные исследования и материалы*, т. III, Санкт-Петербург.
- ПОЖАРИЦКАЯ 1997 - С. К. Пожарицкая, *Русская диалектология*, Москва.
- Православное исповѣдание вѣры 1696 - *Православное исповѣдание вѣры <...>*, Москва.
- ПРОКОПОВИЧ 1720 - Ф. Прокопович, *Первое Оученіе Отрокомъ. Въ немже вѣквы и слоги. Также: Краткое толкованіе законнаго десѣтословіа, Молитвы Господней, и Символа вѣры, Санктъ-питевѣрхъ*.
- САЗОНОВА 2008 - Л. И. Сазонова, "Немецко-русский филолог-переводчик Яков Родде", в изд. *Die slavischen Grenzen Mitteleuropas: Festschrift für Sergio Bonazza zum 70. Geburtstag*, herausgegeben von S. Aloe, München, 173-179 (Die Welt der Slaven. Sammelbände. Сборники, 34).
- СТОКГОЛЬМСКИЙ КАТЕХИЗИС 1628 - *КАТНХНΣΙΣ* си есть грѣческое слово. А порѣски именовѣса. Крѣтъанское Оученіе перечнемъ, что члкъ подобаетъ. преже всего очитиса и вѣдати. оспеніи дши своей. А печаталъ въ стоколъне мастеръ петеръ файсалавъ. Лѣта ѿ воплощеніа спаса ншего нса ха ꙗꙗхѣи.
- СУМАРОВОК 1787 - А. Р. Сумароков, *Полное собрание всехъ сочинений въ стихахъ и прозѣ*, Москва.
- УСПЕНСКИЙ 1983 - Б. А. Успенский, *Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка*, Москва.
- УСПЕНСКИЙ 1987 - Б. А. Успенский, *История русского литературного языка (XI-XVII вв.)*, München (Sagners Slavistische Sammlungen, 12).
- УСПЕНСКИЙ 1997 - Б. А. Успенский, "Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы)", в изд. Б. А. Успенский, *Избранные труды*, т. III. *Общее и славянское языкознание*, Москва, 437-572 (1-е изд. 1992).
- АСТА ERUDITORUM 1705 - *Acta eruditorum, Lipsiae*.
- ALFABETUM RUTENORUM - *Alfabetum Rutenorum* (без выходных данных).
- ВĒRZIŅŠ 1935 - L. Bērziņš, *Ernsts Gliks. Darbe mūžs un mūža darbs*, Rīga.
- ВУКОВА 1966 - Т. А. Bykova, "Über in Halle gedruckte slawische Bücher", в изд. *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag*, Berlin, 262-267.
- ČIŽEVSKYJ 1938 - Dmytro Čiževskij, "Die «Russischen Drucke» der Hallenser Pietisten", *Kyrios* 3, 56-74.
- ČIŽEVSKYJ 1939 - Dmytro Čiževskij, "Der Kreis A. H. Franckes in Halle und seine slavischen Studien", *Zeitschrift für slavische Philologie* 16, 16-68.
- ČIŽEVSKYJ 1939-1940 - Dmytro Čiževskij, "Zu Beziehungen des A. H. Francke-Kreises zu den Ostslaven", *Kyrios* 4, 286-310.
- ДИЕ ЕУРОПѢИСКЕ ФАМА 1705 - *Die Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt*, Leipzig.
- ДИЕТЗЕ 1978 - Jochen Dietze, "A. H. Franckes «Anfang der christlichen Lehre» in russischer Übersetzung", *Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Halle (XXVII) G. 3*, 79-94.

- ĐUROVIČ, SJÖBERG 1987 - L. Đurovič, A. Sjöberg, "Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка", *Russian Linguistics* XI/2-3, 255-278.
- EICHLER 1956 - E. Eichler, "Joachim Christoph, Stahl und seine slawistischen Studien", в изд. *Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Gesammelte Aufsätze (Festschrift für E. Winter)*, Berlin, 233-238 (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, 9).
- FLECKENSTEIN 2000 - Chr. Fleckenstein, "Nochmals zu den slawischen Arbeiten des Frankkekreises. Eine Hypothese", в изд. S. Mengel (Hrsg.), *Zu Ehren von Dietrich Freydanck*, Münster, 41-55 (Slavica Varia Halensia, 6.).
- FLECKENSTEIN, SCHMIDT 1997 - Chr. Fleckenstein, H. Schmidt, *Beiträge zur Geschichte der Slawistik an der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Halle* (Slavica Varia Halensia, 2).
- FRANCKE 1696 - A. H. Francke, *Anfang der Christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende* entworfen von M. Aug. Hermann Francken, Halle.
- FRANCKE 1703 - A. H. Francke, "Anfang der Christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende und Unfähige vieles zu lernen", в изд. A. H. Franckes *Oeffentliches Zeugniß von dem Dienste Gottes*, Halle, 1-3.
- FUNDAMINSKI 2001 - M. Fundaminski, "Caspar Mattias Rodde als Übersetzer und Verbindungsmann zwischen Halle und Russland", в изд. *Das Echo Halles. Kulturelle Wirkungen des Pietismus*, Tübingen, 359-374.
- GADEBUSCH 1777 - F. K. Gadebusch, *Livländische Bibliothek nach alphabetischer Ordnung*, Bd. I-III, Riga.
- GLÜCK, POLANSKA 2005 - H. Glück, I. Polanska, *Johann Ernst Glück (1654-1705). Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland*, Wiesbaden.
- GÜNTHER 1960 - K. Günther, "Slawische Handschriften in Deutschland", *Zeitschrift für Slawistik* 1/4, 317-355.
- HILLNERS 1918 - G. Hillners, *Ernsts Glücks latviešu bībeles tulks, miera darbos un kara brīesmās*, Rīga.
- HUTERER 2001 - A. Huterer, *Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705 - 1729) von Johann Werner Paus*, München (Slavistische Beiträge, 408).
- ISSATSCHENKO 1973 - A. I. Issatschenko, "Vorgeschichte und Entstehungsgeschichte der modernen russischen Literatursprache", *Zeitschrift für slavische Philologie* 37, 235-274.
- JENSEN 1912 - A. Jensen, "Die Anfänge der schwedischen Slavistik", *Archiv für slavische Philologie* 33, 136-165.
- KEIPERT 1997 - H. Keipert, "Die Stockholmer Russisch-Paradigmatik des 18. Jh. («Extranea 157: 6,38») als hallischer Druck", *Zeitschrift für slavische Philologie* 56/1, 158-179.
- KEIPERT, USPENSKIJ, ŽIVOV 1994 - H. Keipert, B. A. Uspenskij, V. M. Živov, *J.E. Glück, Grammatik der russischen Sprache (1704)*. Herausgegeben und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Živov. Köln-Weimar-Wien (Bausteine zur Slavischen Philologie, Reihe B: Editionen, Neue Folge, 5 [20]).
- LUDOLF 1696 - H. W. Ludolf, *Grammatica Russica, Oхоніі. Переизд. в: В. А. Ларин, Генрих Вильгельм Лудольф, Русская грамматика (Оксфорд 1696)* [переиздание В. А. Ларина: Ленинград, 1937]; В. О. Unbegaun (ed.), *Heinriche Wilhelmi Ludolfi, Grammatica Russica*, Oxford 1959; Ларин 2002: 509-682.

- LUTHER 1832 - M. Luther, "Der kleine Katechismus für die gemeine Pfarrer und Predige", в изд. *Dr. Martin Luthers katechetische deutsche Schriften*. Nach den älteren Ausgaben kritisch und historisch bearbeitet von Dr. J. K. Irmischer, I, **Erlangen, 5-25**.
- LUTHERI CATHECHISMUS 1701 - *Lutheri Catechismus medh Affton och Morgon-Bönen samt Bordlexor på Ryska och Swenska*. Tryckt i Narven af Johann Köhler.
- MENGEL 2000 - S. Mengel, "«Russische» Übersetzungen halleischer Pietisten: Simeon Todorskij, 1729 – 1735", в изд. S. Mengel (Hrsg.), *Zu Ehren von Dietrich Freydank*. Münster, 167-188 (*Slavica Varia Halensia*, 6.)
- MENGEL 2003 - S. Mengel, "Übersetzungsprojekte halleischer Pietisten zu Beginn des 18. Jahrhunderts auf dem Hintergrund der sprachpolitischen Diskussion um die neuere russische Literatursprache", *Zeitschrift für Slavistik* 48/3, 304-322.
- MENGEL 2004 - S. Mengel, "Die «einfache Sprache» der hallischen Bibelübersetzungen ins «Russische»", в изд. V. Lehmann, L. Udolph (Hrsg.), *Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia. Festschrift für Karl Gutschmidt zum 65. Geburtstag*, München, 233-241 (*Slavolinguistica*, 3).
- MENGEL 2005 - S. Mengel, "Pietistische Lieder für Russland?", в изд. W. Gladrow (Hrsg.), *Wortbildung, Wörterbuch und Grammatik in Geschichte und Gegenwart der Slavia. Festschrift für Erika Günther*. Frankfurt am Main, 61-69 (*Berliner Slawistische Arbeiten*, 27).
- MENGEL 2007 - S. Mengel, "«Von Gott [...] dem Rußlande zugehört» – Ein neuer Archivfund und einige Bemerkungen über J.E. Glück", в изд. W. Gladrow, D. Stern (Hrsg.), *Beiträge zur slawischen Philologie. Festschrift für Fred Otten*, Frankfurt am Main, 109-119 (*Berliner slawistische Arbeiten*, 31).
- MENGEL 2008a - S. Mengel, "Durch Reformation zum Sprachreform? Ein unbekanntes Idiom der neueren russischen Literatursprache", в изд. *Deutsche Beiträge zum 14. Internationalen Slavistenkongress Ohrid 2008*, herausgegeben von S. Kempgen, K. Gutschmidt, U. Jekutsch, L. Udolph, München, 245-261 (*Die Welt der Slaven. Sammelbände. Сборники*, 32).
- MENGEL 2008b - S. Mengel, "Die erste russische Übersetzung aus Halle von 1704. Ihr Autor und sein Sprachkonzept", в изд. A. Nagórko, S. Heyl, E. Graf (Hrsg.), *Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow*, Frankfurt am Main, 499-510 (*Berliner Slawistische Arbeiten*, 33).
- MENGEL в печати - S. Mengel, "«Anmerckungen über die russischen Frag=stücken» – ein Dokument aus Halle und sein Autor", в изд. [Tagung anlässlich des 300. Todestages von Johann Ernst Glück (1654-1705). Halle (Saale), 10.-13. Mai 2005].
- MIETZSCHKE 1941 - A. Mietzschke, *Heinrich Milde. Ein Beitrag zur Geschichte der slavischen Studien in Halle*, Leipzig.
- REICHELT в печати - S. G. Reichelt, *Johann Arndts (1555-1621) "Vier Bücher vom wahren Christentum" in Russland. Vorboten des neuzeitlichen interkulturellen Dialogs*, I-II (докторская диссертация).
- REHDER 1995 - P. Rehder, "Standardsprache. Versuch eines dreistufigen Modells", *Die Welt der Slaven* 40, 352-366.
- SJÖBERG 1975 - A. Sjöberg, "Первые печатные издания на русском языке в Швеции (Катехизис Лютера и «Alfabetum Rutenorum»)", в изд. *Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции*, Lund (**Slavica Lundensia**, 3).

- SONNTAG 1818 - G. S. Sonntag, "Probsts Glück eigenhändige Nachrichten über seine Bemühungen für lettische und russische Literatur" в изд. *Beiträge zur Kenntniß Rußlands und seiner Geschichte*, herausgegeben von G. Ewers und M. von Engelhardt, Dorpat.
- STRODS 1985 - H. Strods, "Ernsta Glikā literāriais darbs Moskvā (1703-1705, gadā)", *Karogs* 1, 150-158.
- UNBEGAUN 1958 - B. O. Unbegaun, "Russian grammars before Lomonosov", *Oxford Slavonic Papers* VIII, 98-116.
- WALLMANN, ALBRECHT-BIRKNER 2006 - J. Wallmann, V. Albrecht-Birkner (Hrsg.), *Briefwechsel mit August Herrmann Francke : 1689 – 1704 / Philipp Jakob Spener*, Tübingen.
- WINTER 1953 - E. Winter, *Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert*, Berlin (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, 2).

Архивные документы

Архив фонда А. Г. Франке (Archiv der Franckeschen Stiftungen zu Halle = AFrSt/H):

- Начало христiанскаго ученiа. Во употребленiе и въ ползу всакому правотверному христiанину наипаче невѣдающимъ, и много извстнмъ учитица не могущимъ**
– рукопись второго перевода «Малого катехизиса» А. Г. Франке 1718 года, переводчик К. М. Родде. AfrSt/H 155 M 96.
- «KATHXHXΣΙΣ ...» – список Стокгольмского катехизиса 1628 года. AfrSt/H 155 M 96.
- Anmerkungen über die Rußischen Frag=Stücken. AFrSt/H I 25^b: 4.
- FRANCKE 1699 - *Brief an Spener, Halle, 23.06.1699*. AfrSt/H A165: 5c.
- GLÜCK 1704 - *Brief an Francke, Moskau, 08.03.1704*. AFrSt/H D 84: 352-353^f.
- LUDOLF 1698 - *Brief an Francke, Erfurt, 23.05.1698*. AfrSt/H D 71: 6.
- LUDOLF 1699 - *Brief an Francke, Konstantinopel, 19.05.1699*. AfrSt/H D 71: 18-19.
- MILDE 1721 - Запись Г. Мильде на рукописи «Начало христiанскаго ученiа. <...>». AfrSt/H 155 M 96.
- RODDE 1725 - *Brief an Gallenberg, Narva, 29.06.1725*. AfrSt/H A 114.
- RODDE 1728 - *Brief nach Halle, Narva, 10.12.1728*. AfrSt/H K 2: 141.
- SCHARSCHMIDT 1698 - *Brief an Francke, Moskau, 02.09.1698*. AFrSt/H C 296:22.
- STAHL 1720 - *Poeseos Rutheno-Slavonica Monumenta et Exempla ad usum et exercitium conscripta*. Joach: Christ: Stahl <...> St. Theol. & lingvam. <...> Anno 1720. AfrSt/H I 16^f.
- STAHL 1745 - *Rudimenta lingvæ Russicæ bibliothecæ orphano-trophæi Halensis dicata ab auctore* Joach: Christoph - Stahl Diac. & Cant. Lag. Φιλολῳττην. Anno 1745. AfrSt/H I 23.

Архив А. Г. Франке в Берлинской Государственной библиотеке (Francke-Nachlass der Staatsbibliothek zu Berlin):

- PAUS 1704a - *Brief an Francke, Moskau, 03.01.1704*. Stab/F28/28:5.
- PAUS 1704b - *Brief an Francke, Moskau, 17.07.1704*. Stab/F28/28:1.

INDICE I VOLUME

<i>Premessa</i>	pag. 5
A. A. АЛЕКСЕЕВ, Майская память Кирилла и Мефодия	» 7
FLORENTINA BADALANOVA GELLER, <i>Gynesis in Genesis</i>	» 17
SERGIO BERTOLISSI, <i>La Carta del popolo russo del 1801: idee e realtà nella Russia del XIX secolo</i>	» 49
IVAN BILIARSKY, <i>La ville, les heros et l'Univers</i>	» 63
УЛАА БИРГЕГОРД, Эмбрион универсального алфавита славянских языков	» 77
ANDRZEJ BOGUSŁAWSKI, <i>A note on glottogony</i>	» 101
MARIA CRISTINA BRAGONE, <i>La traduzione di J. W. Paus di De civilitate morum puerilium di Erasmo da Rotterdam</i>	» 111
A. В. ЧЕРНЕЦОВ, Волшебный камень.	» 125
RICCARDO CONTINI, <i>Bibbia e storiografia nel Medioevo siriano</i>	» 133
CESARE G. DE MICHELIS, <i>Il'ja Èrenburg e la trahison des clercs</i>	» 151
AMEDEO DI FRANCESCO, <i>La semantica della ricerca dell'anima. Per una lettura di Limpopo di Géza Szöcs</i>	» 163
FRANÇOIS ESVAN, <i>Notes sur l'usage de l'aspect verbal dans les subordinées temporelles au passé en tchèque</i>	» 179
РЕМО ФАССАНИ, <i>Il testo novgorodiano su corteccia di betulla № 496: un documento giudiziario?</i>	» 193
АДАМ ФАЛОВСКИ, <i>О трех забытых рукописных памятниках восточнославянской лексикографии XVIII века</i>	» 199
ITALO COSTANTE FORTINO, <i>Atlante dialettologico della lingua albanese</i>	» 209
STEFANO GARZONIO, <i>L' Orfeo di Jakov Knjažnin</i>	» 227
РИТА ДЖУЛИАНИ - КЪЯРА ДИ МЕО, <i>Отражение римского мифа в русской архитектуре XVIII века</i>	» 237
ТАТИАНА ЛЕКОВА, <i>On the origin of the southern Slav title Župan</i>	» 257
A. М. ЛИДОВ, <i>Икона-Завеса. Образ-парадигма как новое понятие истории культуры</i>	» 265
МИХАИЛ ЛОТМАН, <i>К вопросу о первых гексаметрах Пушкина</i>	» 277
<i>Immagini</i>	» 289
<i>Indici</i>	» 307

INDICE II VOLUME

LUIGI MAGAROTTO, Potere statale e potere religioso nel <i>Boris Godunov</i> di Aleksandr Puškin.	pag. 7
СВЕТЛАНА МЕНГЕЛЬ, Неизвестный вариант русского литературного языка доломоносовского периода.	» 43
PINA NAPOLITANO, Marina Cvetaeva: the Rilkean Cycle.	» 69
А. В. НАЗАРЕНКО, К спорам о происхождении названия Киева, или о важности источниковедения для этимологии.	» 85
С. Ю. НЕКЛЮДОВ, Духи и нелюди в недружелюбном мире (о некоторых стратегиях конструирования мифологического образа)	» 101
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, Алтайский список окружной грамоты о канонизации русских святых.	» 121
Константин Поливанов, О «ветхой одежде» Плюшкина.	» 131
ФЕДОР ПОЛЯКОВ, Время и история в сакральном предании раннесоветской эпохи: некоторые литературные свидетельства	» 135
ADRIANO V. ROSSI, Problemi di origini, in onore di Boris Andreevič	» 147
Р. САЛЬВАТОРЕ, Об истоках образности в стихотворении Б. Пастернака «Цельною льдиной из дымности вынут...».	» 155
С. Ю. ТЕМЧИН, Сын двух отцов: киевский князь Святополк Окаянный как второй Каин.	» 177
С. М. ТОЛСТАЯ, Чистая правда: к семантической реконструкции слав. *čist-.	» 187
VITTORIO SPRINGFIELD TOMELLERI, I quattro sensi della Scrittura in Russia.	» 199
А. А. ТОПОРКОВ, «В начале было Слово...»: между религией и магией.	» 219
SILVIA TOSCANO, Il 'secretum' del <i>Secretum Secretorum</i> antico-russo	» 231
Уильям ФЕДЕР, Евагрий Понтийский о молитве. К вопросу о глаголице на Руси.	» 243
Н. ЗАПОЛЬСКАЯ, Неизвестная грамматика церковнославянского языка XVII века.	» 267
А. К. ЖОЛКОВСКИЙ, Чехов, Горький и «Мы». Из опыта преподавания русской прозы	» 283
Н. Д. ЗОЛЬНИКОВА, Споры староверов о крестном знамении: традиция в XXI в.	» 287
<i>Indici</i>	» 297

*Finito di stampare
nel mese di Febbraio
dell'anno 2010
nell'officina tipografica
della M.d'Auria Editore
Palazzo Pignatelli - Napoli*

Linguista, filologo e semiologo di fama mondiale, Boris Uspenskij è erede della grande tradizione culturale russa del Novecento. Il suo iniziale interesse per la tipologia strutturale delle lingue, formatosi all'università di Mosca, si è gradualmente evoluto in prospettiva semiotica, anche grazie agli stretti rapporti di amicizia e collaborazione con personalità del calibro di Roman Jakobson, Michail Bachtin, Petr Bogatyrev, Lev Žegin. Particolarmente fecondo è stato il sodalizio con Jurij Lotman nell'ambito della cosiddetta scuola di Tartu-Mosca, che diede vita a una semiotica della cultura basata su principi linguistici. In questa prospettiva, gli interessi scientifici di Boris Uspenskij si sono estesi ai campi più diversi, spaziando dall'arte, alla letteratura, alla mitologia, alla slavistica, alla semiotica della storia. In particolare, lo studioso ha posto al centro delle sue ricerche il riconoscimento della lingua come sistema modellizzante primario della cultura, approfondendo l'isomorfismo esistente tra arti verbali e visuali; al contempo, ha continuato gli studi di linguistica generale e slava, dedicandosi soprattutto alla storia della lingua letteraria russa. Attualmente Boris Uspenskij si occupa di semiotica della comunicazione, con particolare riferimento al fenomeno della deissi, per il quale ha rintracciato illuminanti paralleli nelle modalità di interazione tra diversi punti di vista, proprie delle arti figurative.

Dopo aver insegnato presso gli atenei di Vienna e Graz, in Austria, e presso le università di Harvard e Cornell, negli U.S.A., Boris Uspenskij ha svolto a lungo la sua attività didattica presso l'Università degli Studi di Napoli "L'Orientale".

IN COPERTINA:

K. S. Malevič,
Quadrato Rosso,
olio su tela,
1915,
cm 53 x 53

ISBN: 978-88-7092-303-2